

— Нинк... А твой жениться на тебе собирается, или как?

Они с матерью вздрогнули, как две испуганные мыши, одинаково повернули головы назад. Отец стоял в кухонном проеме, смотрел злобно поверх очков. Надо же, как незаметно подкрался. Собрал медвежье тулово в тонус и подкрался. Вообще-то на него не похоже, чтоб так, исподтишка... Не отцова манера. Но никуда не денешься — вот он, стоит в дверях, ответа ждет, вынь да подай. Причем ответа немедленного и положительного, иначе... Иначе берегитесь, жена и дочь. Рассержусь, мало не покажется.

— А ты чего встал-то, Володь? — елейно заговорила мама, суетливо отодвигая пустую чайную чашку. — Тебе ж в смену сегодня. Спал бы да спал еще...

— На работе высплюсь. Чего ночному сторожу делать-то? Сижу, караулю, сам не знаю кого... Работа пустяшная, зарплата — копейка. Чего об ней толковать?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да, Володь, ну да... И не говори... Чего уж там толковать особо, — тихо вздохнула мама.

Иногда, глядя на родителей, она чувствовала себя героиней старого фильма «Маленькая Вера». Накатывало неудобное ощущение, хоть под столом от него прячься. Папа, кстати, по молодости очень был похож на отца героини из фильма. Но с годами отяжелел, обрюзг, осип и охрип... Не получалось уже нагонять прежнего страха на жену и дочь. Потуги на сердитое подавление были, а страха — нет. Да и она на героиню фильма, если честно, не тянет... Эта маленькая Вера наглая девица была, ей всякое отцовское подавление — тьфу, плюнуть и растереть. Не зря же говорят, что наглость — второе счастье. Не всем дано. У нее, например, не получается. Жить по-своему, худо-бедно, получается, а плюнуть и растереть — нет...

— Так чего, Нинка? Долго твой хлыщ нам нервы трепать будет?

— Он не хлыщ, пап.

— Да? А кто ж он еще? Ишь, хорошо как пристроился на дармовщинку! Жить вместе с девкой, значит, можно, а жениться на ней не обязательно?

— Володь... Ну, Володь... — засуетилась мама, вставая из-за стола и сгребая ребром ладони рассыпанные по клеенке хлебные крошки.

Нина незаметно вздохнула, тоскливо глядя на мамины руки. Сколько раз просила — мам,

Твоя жена Пенелопа

отучись от этой привычки... Не война же, чтобы крошки со стола сметать! Руками! Смотреть неловко! Сейчас еще и другую ладошку к краю стола приспособит, сметет эти несчастные крошки туда. Потом выбросит в раковину небрежно... Такая вот привычно никчемная манипуляция, с детства знакомая. И мама в этой суетливости и никчемности — тоже... привычная. Если не сказать более обидно.

— Володь... Ну, я ж рассказывала тебе, Володь... Сейчас времена другие пошли, сейчас у них, у молодежи, все по-другому! Мы ж с тобой поздненько Нинку родили, успели отстать от жизни, вот и приходится приспособливаться, что ж делать? Старые мы для нее, и понятия у нас тоже старые...

— Что значит — старые? Если мы старые, то уже и не родители, что ли?

— Да нет, я не про то, Володь... Ну, понимаешь... Это вроде как нормально, что сразу не женятся. Сначала надо пожить вместе, вроде как порепетировать, что ли...

— Вроде как, вроде как! Заладила одно и то же! Вот именно — вроде как! А если б я в свое время так? Хочу — женюсь, хочу — нет? Прости, мол, милка дорогая, это я так, просто репетирую? Да уж, посмотрел бы я тогда, какие ты песни запела!

— Володь, но ведь и впрямь — время другое было...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да при чем тут время! Для мужицкой совести времена всегда должны быть одинаковые! Нравится тебе баба — женись, а потом пользуйся на здоровье! А разонравилась — разводишься, никто в партком не пойдет и за причиндалы держать не будет!

— Пап... Ты вообще-то выбирай выражения... — вяло огрызнулась Нина. Так вяло, что прозвучало скорее жалобой, чем сопротивлением. Да и что было проку в том сопротивлении? Легче головой о каменную стену биться...

— Выражения мои, значит, не нравятся? А то, что тебя очень удобно используют, нравится? — сделал отец особо выпуклый акцент на слове «используют». — А нам с матерью какво, ты подумала? Пришел хлыщ, увел дочь из дому, приспособил к себе бесплатной прачкой, кухаркой да полюбовницей в придачу... Думаешь, нам не обидно?

Она усмехнулась грустно — надо же, какое слово доисторическое выкопал — полюбовница! Тем паче — прачка с кухаркой! Смешно. И впрямь, надо бы как-то всю ситуацию в шутку перевести, иначе совсем выйдет из-под контроля. Ей-то ничего — ушла из дома и забыла, а папа потом похмельем от своего же гневливого выплеска страдать начнет. Такой уж характер... Добрый, но по-хамски взрывной, ужасно несдержанный.

Твоя жена Пенелопа

— М-м-м... Понятно, пап... — произнесла с нарочитой легкой смешливостью, даже с перебором смешливости, стараясь не допустить в голосе ни грамма издевки. Даже хохотнула коротко, совсем уж кося под дурочку. — Значит, ты считаешь, пап, обидно быть бесплатной, да? Может, мне тогда с Никиты вместо штампа в паспорте деньги брать? А что? Это мысль, между прочим. Не хочешь жениться — плати.

— Ты чего городишь-то, Нинка? — немного опешив, сердито пробурчал отец. — Совсем рехнулась, что ли? Да разве я об этом толкую?

— Именно о том, пап! Сам же говоришь о бесплатности! По-твоему выходит, только штамп в паспорте дает мужчине право на бесплатность обихода, так? Без штампа ты кухарка и прачка, а со штампом — фея, одаривающая привилегиями обихода? О, волшебная магия чернильных буковок в красной книжице, — воздела она руки к потолку, — сделай же из меня наконец фею!

— Дура. Вот же дура ты, Нинка. Чего развеселилась-то? Веселишься, умными словами вон, как в театре, чешешь, а у самой глаза грустные!

— Ладно, пап, давай закроем тему. Это моя жизнь, я сама в ней разберусь.

— Ну да, ну да... Больше тебе и ответить нечего. Эх ты, дочь... Растили тебя, лелеяли, дышать боялись... Теперь вот принимаем с матерью

ВЕРА КОЛОЧКОВА

позор на старости лет. Ни свадьбы, чтоб как у людей, ни внуков... Эх, да что там!..

Отец махнул рукой, начал тяжело разворачиваться отекившим гипертоническим туловом. В свете лампы из коридора блеснула седина щетины на небритой дряблой щеке.

— Володь... Да ты чего говоришь-то, какой такой позор-то? — снова быстро и жалобно запричитала мама, ополаскивая под краном чайные чашки и вытягивая голову в сторону кухонного проема. — Позор, главное... Скажешь тоже, не подумав. А Ниночка потом переживать будет! Да говорю ж тебе, они сейчас все так живут! Встретились, полюбили, квартиру сняли и живут! Нет, а чего плохого-то? Да и что делать, если нынче мода такая?

— Да послать бы вас всех с этой модой куда подальше! — обернувшись, пробурчал отец через плечо. — Скоро уж и хоронить по моде начнете... Не в гробу, а в картонных коробках с бантиками! Может, и до кладбища не довезете, коль тоже из моды выйдет. Все у вас легко. Никакого уважения к человеческим правилам.

Ушел. Вскоре из комнаты забормотал телевизор программой «Время» под аккомпанемент сердито-сиплого отцовского дыхания. Подумалось: наверное, отец и на программу «Время» тоже сердится. Даже наверняка — сердится. А хотя, может, и нет. Особенно на фоне последних событий, когда обалдевшие от кризиса оф-

Твоя жена Пенелопа

шорные островитяне покушаются у наших роденьких олигархов часть накоплений оттяпать... Эта весть его, безусловно, должна злорадно обрадовать! Так им, проклятым олигархам, и надо! Сколько веревочке ни виться! Давайте, островитяне, сделайте то, чего мы, бывшие честные труженики, сделать уже не в состоянии!

Ага, вон даже звук у телевизора прибавил... Пошло дело. Бойтесь, олигархи, гнева-злорадства бывшего слесаря-инструментальщика со второго турбомоторного, комсомольца и коммуниста в третьем поколении таких же слесарей-инструментальщиков, комсомольцев и коммунистов! Ужо вам!

— Ты не обижайся на отца-то, Нин... — тихо, будто извиняясь, проговорила мама, бочком присаживаясь за стол.

— А я и не обижаюсь.

— Да как же, не обижаешься! Думаешь, по лицу не видно? Сидишь, будто насмехаешься... А зря насмехаешься-то, дочка. Он же по-своему все переживает, знаешь ведь, какой он у нас боец негибемый.

Она хотела было возразить — достали, мол, с этой негибаемостью, — но промолчала. Мельком глянула на часы — ого, девять! Никита наверняка дома, а у нее ужина нет. И рубашки в ванной в тазу замочены... И вдруг хмыкнула про себя, вспомнив отцовское презрительное — эх ты, прачка-кухарка... Да, выходит, так оно и есть.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Прачка и кухарка. И все это, можно сказать, на добровольно общественных началах. И «полюбовница» тоже. Правда, смешно. И грустно...

— Я пойду, мам. Спасибо за чай.

— Да погоди, чего сразу пойду-то? И часа в родном доме не пробыла... Все-таки обиделась на отца, да?

— Ничего я не обиделась! Мне и в самом деле пора.

— Ну, Нин... Посиди еще немного, чего ты, как неродная... Вот дожили до жизни — дочку раз в неделю на полчаса отпускают... А сам-то твой, этот... Никита твой... Что, не может вместе с тобой в гости зайти? Посидели бы, я бы пирог с палтусом завернула. И отец бы уважение почувствовал, меньше бы психовал. Брезгует нами, да? Не ровня мы ему?

— Нет, мам, ну что ты... Не в этом дело.

Сказала — и опустила глаза, испугавшись. Потому как резануло внутри — в этом, в этом! Именно в этом дело, ты в точку попала, мам! Потому и повторила испуганно:

— Нет, не в этом дело. Просто у него сейчас катастрофически времени не хватает.

— А чем он таким шибко занят? Вроде не работает нигде.

— Он учится, мам, в серьезном институте. Даже не в институте, а в академии.

— Да? И на кого ж он учится, больно интересно знать?

Твоя жена Пенелопа

— Ну... Как бы тебе объяснить... Там к государственной службе чиновников готовят. Нет, правда, у них там все очень серьезно, мам. И строго. Лекции с утра и до вечера, потом курсовые всякие, а в следующем году защита диплома...

— Ну ладно, коли так. А может, и хорошо, что он к нам не приходит. Не дай бог, отец брякнет при нем чего некультурное! Да и я со своими пирогами... Что он, пирогов с палтусом не едал? Мы ж люди простые, Ниночка, куда нам со свиным рылом в калашный ряд... Случится у тебя с этим Никитой счастье — и мы с отцом счастливы будем! И в сторонке постоим, если что!

— Да уж... Папа, кажется, постоит в сторонке... Думаешь, легко мне каждый раз на оскорбления нарываться?

— А ты за оскорбление-то его слова не принимай, Ниночка! Он же человек такой, работяга, не умеет он, чтобы со всякими там подходцами... Как говорится, что на уме, то и на языке!

— М-м-м... Хочешь сказать, простота хуже воровства?

— Ой, да как тебе не стыдно так об отце-то! Язык прикуси, бессовестная!

— А ему не стыдно меня каждый раз оскорблять?

— Так он же любя, Нин... Он тебя очень любит, оттого и переживает сильно! Обидно ему за тебя, понимаешь?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, мам... Я понимаю. Конечно же. Но это всего лишь его личное восприятие действительности, я тут при чем? У меня к моей жизни претензий нет. Меня все на сегодняшний день устраивает. Абсолютно все.

— Ой ли?

Как плетью стегнуло это мамино «ой ли» — обидное, хлесткое. И хитрованский взгляд полоснул по лицу, и губы мама сжала специфически — скобкой догадливого сомнения. Да, очень выразительно получилось. Выпукло. Вот, мол, смотри на меня, дочка, видишь, какая я сильно задумчивая и сомневающаяся в твоих словах! Давай, подпрыгивай на стуле, доказывай мне обратное! Видишь, я жду...

А не дождешься. Не буду я тебе ничего доказывать. Потому что не должна ничего доказывать. Ни-че-го. Никому. Потому что и сама в себе еще толком не разобралась. И в своих отношениях с Никитой тоже. И вообще — хватит из меня веревки вить... Что свили, то свили, спасибо и на этом. Все детство старательно внушали — должна, должна! Что придумают вдвоем с отцом, то и должна! Хватит...

— Ну, все, хватит, мам... Пошла я.

Нина решительно уперлась кулаками в столешницу, приподнялась на стуле, но мать вдруг опустила на плечо ладонь и будто пригвоздила обратно. И произнесла решительно:

— Глянь-ка мне в глаза, Нинка...

Твоя жена Пенелопа

— Ну что, мам, что?

— Давай перед матерью как на духу... Сама-то хоть понимаешь, как свои годы дальше жить? Я вот за тебя перед отцом заступаюсь, а сама все думаю, думаю... А ну, коль он и впрямь не женится?

— Да что вы заладили — женится, не женится! Ладно, отец, а ты-то, мам? Чего вы лезете в мою жизнь?

— А куда нам еще лезть-то, дочка? В чужую, что ли? Мы ж твои родители... Слушай, а может, тебе поговорить с Никитой? Так, мол, и так, замуж хочу... Или это... Как бы забеременеть невзначай? А что? Давай, я тебя научу по-женски, подскажу...

Все, подумала Нина, терпение, кажется, лопнуло. В голове забухало, зазвенело негодованием. Пришла, называется, родителей навестить! Получила массу положительных эмоций! Уже и в постель норовят залезть! Надо же — научу-подскажу, как забеременеть! Чудеса пролетарской камасутры поведать собралась! Как же противна эта бесцеремонность! Да, любят они, да, беспокоятся по-своему, но все равно — противно!

— Послушай, мама... Если ты еще раз... — Она закрыла глаза и сглотнула ком в горле. Сдерживая раздражение, произнесла спокойно, но с жесткой нотой в голосе:

— Если ты еще раз затронешь эту тему, я вообще больше к вам не приду! Никогда! Слы-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

шишь? Дорогу к вам забуду! И отцу можешь так и передать! Если он еще раз...

— Что ты, Ниночка, что ты! Бог с тобой, доча, что ты говоришь? Да что я такого сказала-то, господи?!

Мать тихо всхлипнула, зажав рот ладонью, глянула на нее сквозь набухающую слезную плену. Моргнула, и слезы тут же брызнули из глаз. Сразу весь гнев Нины ушел в стыд.

— Мам, мам... Ну ладно, все, ну не надо... Не плачь, я ж не хотела... — залепетала она виновато, оглаживая мать по бугристо-целлюлитному предплечью. — Ну извини, мам...

— Да как у тебя язык-то повернулся, Ниночка... Да как же я отцу могла бы такое сказать? Что ж ты, дочка... Да его бы сразу кондратий хватил... Он же так тебя любит! Что у нас с отцом еще есть-то?

— Мам, да я все понимаю! Но и ты меня тоже пойми! Нельзя же так, мам...

— Ну да, ну да... А как можно-то, доча? Ты ведь у нас одна, как свет в окошке... Позднее дитя, божий подарочек... Мы ведь уж и не надеялись, я помню! Когда принесли тебя из роддома, отец с рук не спускал, дышать боялся... Он уж, почитай, в возрасте мужик-то был, почти под пятьдесят...

Мама слезно вздохнула, отерла дрожащими ладонями полные щеки, снова заговорила торопливо:

Твоя жена Пенелопа

— Знаешь, как нам тогда трудно было? Ой-ой, если вспомнить... Это ж девяностый год был, вокруг черт-те что творилось! Прилавки в магазинах пустые, зарплату не дают, хоть головой об стенку бейся! А мне есть что-то надо, иначе молоко пропадет... Тоже ведь не молоденькой тебя родила, сорокалетней бабой! Отец, помню, то рычал от безнадеги, то плакал. С кулаками на директора завода, помню, накинулся, когда тот обещал зарплату выдать, но слова не сдержал! Да что — директор!.. Его потом и самого — под зад коленом... Так и жили — кое-как перебивались. А дальше еще круче пошло. Помню, тебе лет пять было, когда завод олигархи-бандиты отбирали... Этот был, как его... Рейдерский захват. А папа, представляешь, под пули полез... Думал, родное предприятие защищает. Пролетарий, мать твою... Обо мне не подумал, как я одна тебя поднимать стану...

— Да? Ты мне об этом никогда не рассказывала, мам...

— Да зачем тебе знать-то? Это уж наши дела. Задело его тогда бандитской пулей-то, в больницу свезли. А он оттуда сбежал. Пришел ночью домой — герой раненый... Долго около твоей кровати стоял, все пришептывал — прости, мол, доча, не знаю, как тебе счастливое детство обеспечить... Не будет у тебя детства-то... Сломался он тогда, Нинок, как есть сломался. Всю жизнь на заводе в честных передовиках прохо-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

дил, и партии честно служил, и верил... Понимаешь, верил! Таких-то честных тружеников, как твой отец, и тогда было — раз-два и обчелся... С тех пор, считай, никак успокоиться не может. Не смог в новую жизнь встроиться, все прежними правилами живет... Все у него только черное да белое, других цветов не признает. Оттого и злится, если вдруг что не по правилам да не по чести... Оттого и состарился раньше времени. А сейчас ему тем более не перестроиться — семьдесят второй годок пошел, под самую дыхалку подперло. Ты уж не сердись на него, Ниночка. Какой есть, что же делать.

— Да я не сержусь, мам! Просто... Он же должен понять... У меня своя жизнь...

— Своя-то своя, кто ж спорит. Но и родителей с руки, как варежку, не стряхнешь! Родителям тоже радости дать надо. Отец вон внуков страсть как хочет... И нам надо чем-то жить, Нин! Думаешь, велика отцу радость в сторожах ночных сидеть? А так бы дома сидел, внуками занимался. Все бы заделье! Плохо в старости без заделья-то, Нин. Тоска, смысла нет. Ой, тоска! — Укор в голосе матери усиливался, захватывал собой маленькое пространство кухни. В тоне появились жесткие обвинительные нотки: — Как ни крути, а отец-то прав, Нин! Растили тебя, растили, всю душу вкладывали! И к морю на последние деньги отправляли, и наряды покупали, во всем себе отказывали! И образование опять же... Не инсти-

Твоя жена Пенелопа

тут, конечно, но техникум — тоже хорошо... Мы ведь почему тебя на техникум-то настропалили? Думали, вдруг не успеем в институтах выучить, порем раньше времени. А еще думали, красавица ты у нас, в институте сразу замуж выскочишь, опять же закончить не успеешь. А в техникуме после десятилетки — всего два с половиной года... Кто ж знал-то, что ты вообще замуж не заторопишься? А мы с отцом такие надежды возлагали. Вот тебе и надежды — все прахом пошли. Ни у тебя семьи, ни у нас внуков. Бабья молодость-то быстро проходит, Нин, не успеешь и оглянуться! От двадцати до тридцати — и ветер в ушах просвистеть не успеет. И все, и ушло золотое бабье времечко, назад не воротишь. А ты говоришь...

Мама вздохнула, осела на стуле квашней, провела ладонью по столешнице. Бедная, бедная мама... Как на нее обижаться-то? Ведь это предъявление векселей — вовсе не злое... От простоты мыслей идет, от безысходности. Подумалось вдруг — и впрямь дети должны отвечать за возрастную родительскую неприкаянность... То есть хочешь не хочешь, а «задельем» в старости обеспечить. Неужели у всех так?

Хотя у Никиты, например, такой проблемы с родителями точно нет. Объявил матери с отцом, что уходит в самостоятельное плавание, они только улыбнулись иронически. Но, может, за этой иронией тоже скрывалось это преслову-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

тое «заделье»? Квартиру-то съемную они сыну оплачивают. Откуда у студента деньги...

Да, наверное, и впрямь страшно им жить без «заделья». Не зря мать при своей гипертонии уборщицей в школу устроилась, говорит, деньги не лишние... Да какие там деньги, господи? Копейки... Просто без «заделья» боится остаться. Хм... Грустное какое слово. Не дело, а именно заделье. Себя занять, обмануть то есть. Хотя, опять же, к примеру, Никитина мама, Лариса Борисовна, вообще не работает, дома сидит. Но у нее как-то по-другому все происходит. Без мук. Такое впечатление, что она всегда чем-то важным занята. Кофе пьет — занята, книгу читает — занята, даже когда просто в окно смотрит, кажется, что важным делом занята. Причем таким важным, что чувствуешь себя рядом с ней абсолютной бездельницей...

Наверное, тут в чем-то другом собака зарыта. В социальном статусе, наверное. В присутствии интеллекта. Каждому свое... Значит, Никите нет необходимости обслуживать родительскую неприкаянность в старости, а ей от этого никуда не уйти. Мама-то права — не стряхнешь с руки, как варезку...

— Ладно, я поговорю с Никитой, мам... — выдохнула Нина грустно. — Обещаю...

— Конечно... Конечно, поговори, Ниночка! — тут же оживилась мать, придвинувшись к ней рыхлой грудью. — Не стесняйся, поговори! Ны-

Твоя жена Пенелопа

нешние мужики, они ж все такие! Пока его в нужную мысль носом не ткнешь, как кутенка, сам не додумается! А мы с отцом насчет твоего Никиты вовсе не возражаем... А что, парень непьющий, из хорошей семьи, опять же при образовании будет... Свадьбу закатим, платье белое тебе пошьем! пышное, с кружевами! Да из тебя такая невеста будет, любо-дорого посмотреть, ты ж у нас красавица, беленькая да ладненькая, как яичко! Только худа больно, раньше-то поплотнее была... Иль это он хочет, чтоб ты худой была?

Ну все, понеслось... Зря, наверное, наобещала. Уже и про свадьбу речь пошла...

— Нин... А можно, я отцу скажу?

— Что скажешь?

— Ну, так про свадьбу.

— Мам, я же сказала — поговорю! Всего лишь поговорю. Ну чего ты вперед паровоза побежала?

— А... Ну, ладно...

Мать испуганно махнула рукой, потом устало провела ладонью по лицу и улыбнулась. Побежали от глаз морщинки «гусиные лапки», мелькнула во рту дырка от недавно вырванного зуба. Подумалось вдруг — как же быстро она состарилась. И раньше-то не особо за собой следила, а теперь... Совсем жалкая стала. Волосы хоть и крашенные, но цвет непонятный, будто припыленный, и темные круги под глазами, и кожа на лице напоминает сырую картофелину на срезе. А ей ведь всего — чуть за шестьдесят... Сейчас

ВЕРА КОЛОЧКОВА

посмотришь, некоторые тетки и к семидесяти выглядят как огурчики.

— Мам... Давай я тебе хороший крем куплю, хочешь? И к стоматологу сходи. Когда улыбаешься, дырку во рту видно.

— Ой, да подумаешь, дырка! Перед кем мне красоваться-то? Отец меня и такую любит.

— А ты не для отца, для себя...

— Да ну тебя, Нин! Не понимаю я этих новомодных разговоров. Для себя, не для себя. Раньше нас по-другому жить-то учили! Вот скажи-ка я раньше — для себя, мол, чего-то хочу! Вмиг бы все осудили! Нет уж, доченька, не переделаться нам с отцом, уж такими, какие есть, и порем! Мы ж эти... Как их... Слово такое трудное... Неандертальцы, во как!

— Мам... Вообще-то это слово используют, когда обидеть хотят.

— Да? А я ж не знала... Мы с отцом не шибко грамотные, институтов не заканчивали, всю жизнь на производстве вкалывали, когда было в словах-то разбираться? Зато, вон, тебя вырастили, умную такую...

Испугавшись, что мать снова вырулит на прежнюю тему, Нина озабоченно глянула на часы, засобиралась:

— Пойду я! Поздно уже! Пока до дому доберусь...

— Ишь ты, до дому! Какой там у тебя дом — квартира съемная. Ладно, иди, иди. Твой-то,

Твоя жена Пенелопа

поди, уж заждался. Мог бы и приехать, колеса бы не отвалились.

— Мы договаривались, что я сама приеду.

— А ты возьми да позвони! Скажи, мол, поздно уже...

— М-а-а-м...

— Ладно, молчу. Делай, как знаешь, тебе виднее. Но про свадьбу поговори, обещала!

— Да, я помню.

— погоди, я тебе с собой холодца положу...

И оладьев...

— Не надо ничего, мам! Ну, пожалуйста!

— А что, твой Никита не любит? Оно, конечно, закуска неблагородная... Куда ты сразу в прихожую? Зайди к отцу-то, попрощайся по-человечески! Толком и не опнулась, а побежала уже!

Нина шагнула к проему гостиной, развела руками гремучие стеклянные висюльки. Господи, когда они их уберут? Наверное, никогда. И ремонт в квартире уже никогда не сделают. И мебель не поменяют. Так и будут жить в этом штампованном интерьере восьмидесятых — с коврами на стенах, с переливчатым сервизом в стенке, с увеличенной фотографией в рамочке на стене, где оба еще молодые, с комсомольскими задорными взглядами, голова к голове. Мама со смешной прической, с брошкой на отложном воротничке цветастого платья, отец в белой рубашке пузырьрем. Хорошие ребята, правильные. Только

ВЕРА КОЛОЧКОВА

жизнь почему-то неправильной стороной для них обернулась. Наверное, сами виноваты...

— Слышь, Нинк, чего наш президент удумал! — неожиданно весело проговорил отец, ткнув пальцем в телевизор. — Нормы ГТО возрождать будут! Вот это правильно, вот это молодца, уважаю! Сообразил наконец.

— Пап, я ухожу. До свидания.

— Ага, бывай. Когда еще зайдешь-то?

— Не знаю. Может, через неделю.

— Деньжат подкинуть? У нас третьего дня пенсия была.

— Нет, не надо. Спасибо.

— Ну, как знаешь...

Мама все-таки сунула ей банку с холодцом в сумку. За этим занятием Нина ее и застала, когда вышла в прихожую. Но спорить уже не стала. Молча натянула куртку, обмотала вокруг шеи шарф.

— А чего ты без шапки-то, Нин? — подняла недовольно брови мать.

— Так весна на улице.

— Да какая весна, середина марта! Холодно же еще! Пришел марток, надевай сто порток!

— Ладно, пока...

Нина улыбнулась, чмокнула мать в щеку, открыла дверь, быстро засемила вниз по лестнице.

— Капюшон хоть на голову накинь! Весна, едрит твою... — услышала она напоследок голос матери.

Твоя жена Пенелопа

* * *

На улице и впрямь было холодно. Мать-то права оказалась. Ударивший к вечеру морозец замуровал снежную кашу в мелкие ледяные колдобины — обычный мартовский сюрпризец. Самый противный месяц года — март... Подлое, обманчивое время. Одарит дневным солнышком, душа доверчиво распахнется — о весна красна! — а ближе к ночи — нате вам! Получите! Ишь чего захотели, весну... Только «едрит твою» и вспомнишь.

Нина кое-как доплелась до автобусной остановки, спина взмокла от напряжения — не так страшно плюхнуться в это безобразие, как страшно каблук сломать. Сапоги-то дорогие, причем единственные. Жалко.

Автобуса, конечно, долго не было. Вместе с ожиданием росла в душе досада на Никиту — и впрямь ведь, мог бы и приехать за ней к родителям! Мать права — колеса бы не отвалились... А с другой стороны, сама виновата. Гордынюшке-матушке спасибо скажи. Все ждешь, что Никита сам о тебе заботу проявит, сам, сам додумается... Не жди, не додумается. Потому что он — эгоист. Причем абсолютно искренний эгоист, обаятельно-беззаботный. Начни его укорять в эгоизме — распахнет глаза и будет смотреть удивленно, не понимая, о чем речь. Ты же, мол, меня не просила.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Ну ладно, не додумался. Бог с ним. Но позвонить-то мог! Спросить хотя бы — где ты, Ниночка, что да как... Обыкновенную заинтересованность проявить, по простой и доступной схеме: как дела — все хорошо — целую. Обозначиться присутствием в жизни. А она бы ответила — на остановке стою уже двадцать минут, спина мокрая, замерзаю, как цуцик... Нет ведь, не позвонит. Потому что мысленную установку получил — она у родителей. Что ж, и она тоже звонить не будет. Ни за что. Раз так...

О, наконец-то автобус. О счастье, и свободные места есть! Ехать долго, через весь город, считай. Жаль, книжку с собой не взяла... Ничего, можно просто в окно посмотреть. Расслабиться, поплыть рассеянным взглядом по неоновому сверкающим красно-сине-фиолетовым всплескам... Если прищуриться, то эти всплески тянутся одной линией — названия магазинов, реклама, свет фонарей... Красиво. Нарядные сумерки. Только на остановках блестящая линия дает сбой. Видно в окно натуральную картинку. Видно, как город безглаголиво съеживается в остатках грязного снега, а сумерки кажутся вовсе не нарядными, а холодными и туманно-волглыми.

И все-таки — весна! Еще немного, и островки грязного снега растают, и грянет апрель с ярким солнцем, с первой травой на газонах, с редкими пупырышками желтых одуванчиков! Новая весна — новая жизнь...

Твоя жена Пенелопа

Нина с детства любила весну. Не само по себе состояние разбуженной природы, а заложенное в этом состоянии ожидание лета. И все эти действия весенние любила — подготовку к лету. Когда мать в субботнее утро с шумом открыла законопаченные на зиму оконные створки, и комната наполнилась ветром и звуками апреля — го-моном обалдевших воробьев, криками дворовой ребятни, тоже обалдевшей от весенней яркости солнца. И — начинался обиход... Сначала мать намывала стекла дурно пахнущей нашатырем водой, потом натирала с двух сторон скомканными газетными лоскутами до состояния прозрачности. Яростно так натирала, сжимая от усилия губы и раздувая ноздри...

Потом меняла зимние шторы на летние. Мать их смешно называла — бумазейные. А зимние, тяжело и нарядно жаккардовые, подвергались бережной стирке и убирались в шкаф, на полки с «богатством», как насмешливо отзывался о маминых запасах «богатства» отец. Были там и льняные скатерти, которые никогда не использовались, и яркие махровые китайские полотенца, и комплекты постельного белья, тоже почему-то девственно сохраняемые. Так мать хотела. Говорила — это, мол, Ниночкино приданое. А отец сердился на такое мещанство, но не очень. Просто хмурился недовольно. Но материн апрельский переполох в доме уважал! И даже помогал, как умел. Например, выносил во двор ковры,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

колотил по ним палкой, выбивая столбы пыли. Мать только вздыхала, глядя на него из окна. А соседка, тетя Ляля, говорила, недобро усмехаясь, — это он так ностальгирует, мол... По привычке весеннюю генеральную уборку с Первомаем ассоциирует. Раньше-то, мол, к Первомаю, как к Пасхе, люди готовились.

Да, тогда их квартира считалась коммунальной, вторую комнату занимали соседи — тетя Ляля и дядя Петя Михеевы. Лялечка с Петечкой, как они сами себя называли. Отец их терпеть не мог. Называл почему-то спекулянтами. А мать терпеливо объясняла: это раньше, Ниночка, всех подлых торгашей так называли, которые пользовались временными трудностями по недостатку некоторых товаров и продавали их из-под полы, и за это их могли строго наказать, даже в тюрьму посадить. А теперь времена другие, Ниночка, теперь все можно, потому эти «подлые» и вылезли из всех щелей на солнышко. А папе это очень не нравится, понимаешь, Ниночка? Потому что это несправедливо, это нетрудовой доход, как говорит папа. У станка не стоять, до седьмого пота не вкалывать... Понимаешь?

Нина не понимала. Ну, подумаешь, торгует дядя Петя Михеев джинсами и курточками на стихийном рынке, что расположился на площади у кинотеатра, и пусть себе! Тоже ведь не большая радость — весь день торговать. Таскать на плечах эти огромные клетчатые баулы. Тем

Твоя жена Пенелопа

более про дядю Петю Михеева язык не поворачивался сказать — подлый. Наоборот, он был добрым. Шла от него какая-то особенная веселая сила, и тетя Ляля смотрела на него тоже всегда весело. И улыбалась, и в щеку нежно целовала, когда он по утрам на свои «подлости» уходил. Мать, например, папу никогда не целовала. И духами от нее, как от тети Ляли, не пахло. А пахло хозяйственным мылом и шами с кислой капустой.

Да что там — запахи... Это вообще были разные миры — их комната в сравнении с комнатой тети Ляли и дяди Пети. В их комнате почему-то всегда было мрачно, а в соседской — светло, хоть и выходили окнами на одну сторону. Может, потому, что в соседской комнате всегда музыка играла? И не какая-нибудь развеселая про «три кусочка колбаски», а та самая, которую хочется слушать, замерев и оробев у дверей...

— Ну, чего замерла, Ниночка? Тебе «Роллинг Стоунз» нравится, да? Или больше «Пинг Флойд»? — улыбалась из дверей приветливая тетя Ляля. — Заходи, не стесняйся! Мне тоже «Пинг Флойд» больше нравится. Это хорошо, что ты хорошую музыку чувствуешь. Не все потеряно, значит.

Она не понимала, что это значит — не все потеряно. Да, музыка была действительно хорошая, завораживала ее детскую душу. Притягивала к себе. Нина заходила, садилась тихо на ди-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ван, слушала. И в то же время сторожила чутко, не хлопнет ли входная дверь — вдруг мать или отец вернутся...

— Нин, а ты книжки какие-нибудь читаешь?

— Нет, тетя Ляля. Я же маленькая еще. Осенью только во второй класс пойду!

— Ничего себе, маленькая! Да я в твоём возрасте уже всю «Анну Каренину» шуровала! Правда, не понимала ничего, но все равно. Интерес-то был! Неужели тебе читать неинтересно?

— Я не знаю, тетя Ляля. Мама с папой книжки не покупают. Говорят, от них пыль в комнате.

— Да знаю я про твоих маму с папой. Маме для чтения журнала «Работница» вполне достаточно, а папе... О папе — вообще помолчу. Просто мне тебя жалко, Нин. Ты что, и впрямь в свои семь лет ни одной книжки не прочла?

— Нет...

— А дома что, вообще-вообще никакого чтения нет?

— Нет... Папа раньше газеты читал, а теперь забросил. Говорит, в них неправду пишут. А мама — да, мама журнал «Работница» иногда читает. И еще журнал «Крестьянка».

— Что ж, понятно... Куда ж «Работница» без «Крестьянки»-то... — сокрушенно вздыхала тетя Ляля, выискивая что-то на полке с книгами. — Что же тебе дать почитать, прямо не знаю! Из детского ничего нет, не буду же я «Тома Сойера»

Твоя жена Пенелопа

в доме держать. — И, обернувшись, переспрашивала резко: — Что, и Бичер Стоу не читала?

— Нет... А кто это?

— «Хижина дяди Тома»!

— Нет, не знаю...

— Ну, ты даешь! Знаешь, не хочу говорить плохо о твоих родителях, конечно... Но так же нельзя, ей-богу! Придется тебе как-то создавать собственный фон жизни, девочка. Иначе погибнешь. Понимаешь ты это или нет?

— То есть я умру, что ли?

— Нет, нет. Не физически, духовно погибнешь! И сама не заметишь, как это произойдет. Вырастешь, выдадут тебя замуж за слесаря-идиота. А впрочем, о чем я? Какое мне дело. Да и книжек подходящих у меня для твоего возраста нет. Ну, разве вот эта... Возьми, попробуй почитать. Это сейчас очень модная французская писательница — Франсуаза Саган. Все поголовно читают. Там про любовь, конечно, но... Ничего страшного. Возьми. Может, осилишь. А не осилишь, так хоть на зуб попробуешь. Только родителям не показывай, они поймут неправильно. То есть от своей печки поймут, не дай бог...

Может, и зря тогда тетя Ляля дала ей Франсуазу Саган. Оставила один на один с потрясением. Да, это было потрясение, расколовшее ее детский мирок надвое! Страница за страницей, книжка за книжкой, трещина расползалась все больше и больше... Так и пошло — Нина читала

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и другие книги, конечно, но Франсуаза Саган все равно оставалась любимой. Ужас был в том, что она поверила в мир, созданный писательницей. Раскрыла объятия, приняла в себя с нежностью. И он, этот мир, с благодарностью устроился внутри ее. Он стал ее миром — чувственным, нежным, необъяснимо притягательным. А главное — тайным! Не приведи господь, мама с папой увидят! Скандал поднимут — малолетняя дочь про секс читает! Секса же в стране еще не было! Хотя — уж какой там секс, подумаешь... Многого она, конечно, в силу возраста не понимала, да и не пыталась понять. Не понимание как таковое было важно, а сам процесс чтения, похожий на нежное плавание в теплых волнах. И эти имена, звучавшие музыкой на языке... Сесиль, Сирил, Натали! Ах, черт возьми, какая романтика! Впрочем, она тогда этого слова не знала. Зато книжку зачитала до дыр. И попросила у тети Ляли другую. А потом еще, еще... Годы шли, можно было выходить вместе с Франсуазой Саган из «подполья», а выходить не хотелось. Куда выходить-то? В жизненную грубость и пошлость? Нет, так интереснее было — нести в себе себя, немного другую...

Да, странные они были, тетя Ляля с дядей Петей. Папа на них нападал все время, а они снисходительно помалкивали. А дядя Петя однажды ей просто так джинсы-варенки подарил. Держи, говорит, Нинуха, это неликвид, там

Твоя жена Пенелопа

одной клепки на кармане не хватает... О, это было счастье, необыкновенное, неземное! Мама всплеснула руками, зыркнула глазами на дверь, боясь, что папа увидит... Потом они его обманули, что джинсы, мол, сами пошили. По выкройке из популярного журнала «Бурда». Папа нахмурился, оглядывая ее обтянутую джинсой девчачью попку, проговорил сердито — бурда и есть бурда... А потом маму отругал, Нина слышала. Нечего, сказал, девчонку на такой путь сбивать, если она девчонка, так пусть юбки носит! А то — джинсы... Как у этих спекулянтов...

Когда дядя Петя открыл на их улице свой магазинчик, в квартире поселилась открытая ненависть. Магазинчик назывался «комок», и это слово, часто произносимое на общей кухне, вызывало у папы приступ тихого раздражения. Особенно его раздражала тетя Ляля, меняющая новые наряды чуть ли не ежечасно. То платье на ней с большим белым воротником, то брюки шелковые, то рубашка с огурцами-загогулинами! И бусы, и заколки в волосах, и серьги — матовые шары... Они вдвоем с мамой только рты раскрывали и тихо стонали в изнеможении. А папа сердился. Наконец маме было строго-настрого заказано даже смотреть в сторону тети Ляли и со спекулянткой не разговаривать, чтоб та не возомнила о себе лишнего.

А тетя Ляля и не мнила. Ей вообще было все равно. Ждала себе мужа после трудового дня, жа-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

рила курицу на сковородке. Мама только вздыхала — надо же, целую курицу. Из нее же пять супов можно сварить.

Запах от тети-Лялиной сковородки шел плотный, нагло-сытный, заполнял собой всю квартиру. Никакого супа с кислой капустой на жидам курином бульоне уже не хотелось. И холодца не хотелось. И пирогов. И сердиться на тетю Лялю, как папа, тем более не хотелось. Чего на нее сердиться-то? Она ж такая веселая, глаза ясные, улыбочивые. А у мамы глаза, наоборот, всегда тусклые и несчастные. А еще — руки... Какие у них были разные руки, у тети Ляли и у мамы!

Да что там — руки. Все было у них разное. А однажды Нина увидела, как дядя Петя тети-Лялину руку поцеловал. Просто так, ни с того ни с сего. Проходил мимо, обнял за талию, приложил ее ладонку к губам. Нина тогда подумала с надеждой: вот бы и папа так же мамину руку поцеловал!.. Она даже сказала ему об этом, дурочка. У мамы, мол, руки такие некрасивые, ты их поцелуй, ей приятно будет. А папа опять рассердился: еще чего, мол, выбрось эти глупости из головы! Твоя мать такими руками гордиться должна! Потому что они у нее честные рабочие руки, такие, какие надо руки, и ни в каких поцелуях не нуждаются! И ты своей матерью гордиться должна!

Да, наверное, она должна была. Но что делать — среда обитания оказывает влияние на

Твоя жена Пенелопа

жизнь, формирует взгляды. Никуда от этого не денешься. Глядя на жизнь мамы и тети Ляли, Нина поневоле делала для себя выбор. И подсознательно — какое там еще у девчонки сознание! — строила себе мосты в этот выбор. Что-то шевелилось внутри, протест какой-то. Протест против тусклых маминых глаз, против «гордости» за мамины руки, против отцовской ненависти к ухоженному и обаятельному дяде Пете...

Может, именно из этого протеста и выросло в ней некое чистоплюйство в отношении к собственной плоти. А может, романтические герои Франсуазы Саган сделали свое черное дело. Надо было как-то определяться в предложенных жизненных обстоятельствах — совсем не романтических... Надо было идти на компромисс. А как же иначе? В школьной тусовке ее бы с романтизмом точно не поняли. Отвергли бы, назвали «чучелом». И потому — хочешь не хочешь, а в девчачьих пересудах ей приходилось участвовать, особенно в старших классах. Ох уж эти пересуды-обсуждения! Из них напрямую вытекало, что у каждой уважающей себя девчонки непременно должно случиться «это самое», и чем раньше, тем лучше. Как статус успешности в школьной тусовке. А иначе — никак. Надо, и все тут. Пришлось искать выход — придумать себе легенду в образе соседа-студента, с которым якобы «это самое» благополучно и свершилось. Даже пришлось прилепить к легенде

ВЕРА КОЛОЧКОВА

некоторые подробности. Было, между прочим, в этих подробностях и целование рук — походя, мимоходом... Прихожу, мол, к нему — руки целует, ухожу — руки целует... Во дурак, да? Девчонки ржали, но верили. А зря верили. Так и получилось, что пронесла она свою девственность через школьные годы, через строительный колледж, куда поступила-таки по настоянию папы и мамы, и вручила Никите подарком... Хотя — почему вручила? И мысли об этом не было — вручить, тем более получить за такой подарок дивиденды. Как-то само собой все произошло. В тот миг и не думалось... Потому что влюбилась, с первого взгляда, бесповоротно. Наверное, навсегда...

А соседи потом засобирались уезжать, как дядя Петя говорил — за бугор сваливать. Вроде того — родственники в Америке отыскались, зовут... Хотя папа уверенно рубил воздух ладонью — врет, все врет, откуда у советского человека родственники в Америке? Наворовал, а теперь еще и родину продать хочет! Или от бандюганов сбегает, с которыми барышом не поделился! Все, все они одним миром мазаны!

И очень обозлился, когда дядя Петя мирно предложил ему комнату выкупить. Набычился, побагровел лицом:

— Я?! Я — выкупить? Это с каких хренов, интересно, ты мне такое, честному рабочему человеку, предлагать смеешь? Да я всю жизнь на го-

Твоя жена Пенелопа

сударство пахал, я эту вашу комнату давно заработал, мне она и без того положена!

— О чем вы, Владимир Ильич... — снисходительно подняла красивую бровь тетя Ляля. — Я на вас удивляюсь, честное слово. Как только мы уедем, сюда же сразу заселят кого-нибудь, и полгода не пройдет! Мы же комнату не приватизировали, не успели, к сожалению... Видите, в какой спешке уезжаем.

— Ну и катитесь к чертовой матери! Космополиты!

— О, какое вы слово выучили, Владимир Ильич. Похвально, похвально. Вы хоть знаете, что оно означает?

— Конечно, знаю! Предатели, значит! Предатели нашей родины! И не смейте мне ничего предлагать, я на сделку с совестью не пойду! Комната не ваша, а государственная!

— Так пропадет же, Владимир Ильич. Других людей в нее заселят.

— А вы об этом не беспокойтесь! Уж как-нибудь без вас разберутся, кому освободившуюся жилплощадь отдать!

— Так жалко же, Владимир Ильич. Вас и жалко. А так бы у Ниночки своя комнатка образовалась.

— А она и образуется. Кому ж, как не нам, ее отдадут? Мы всю жизнь на производстве...

— Да уж, Владимир Ильич, — грустно покачал головой дядя Петя, глядя на отца с большой

ВЕРА КОЛОЧКОВА

печалью, — видимо, социалистические принципы распределения благ крепко в вас засели, в состав крови вошли. Надо лечиться, Владимир Ильич, нельзя так жить, будто в вакууме. Поверьте, от прошлой жизни ничего уже не осталось. Ну, может, кроме вашего пролетарского имени. А может, вам имя сменить, а? Может, вам хоть это поможет вылечиться?

— Да ты... Да ты... Иди ты знаешь куда!.. — тяжело просипел отец, сжимая кулаки. — Катись в свою Америку, и чтоб духу твоего!..

— Тихо, Володь, тихо... — засуетилась мама, испуганно глядя на отцовы кулаки. — Надо ж послушать до конца, что они предлагают. Отказаться-то всегда успеем.

— Вот ты и слушай, коли тебе охота! А меня — уволь! Ишь чего — денег они захотели! Все только деньги, деньги... Одни деньги на уме...

Поднялся, ушел из кухни к себе в комнату. Но дверь не закрыл и телевизор не включил, как обычно. А тетя Ляля ласково обратилась к матери:

— Ну, хоть ты будь более вменяемой, Лид. Ведь провороните жилье, ей-богу, провороните! А так бы Петя все по-умному сделал, кому надо на лапу бы дал. Сейчас ведь все можно, Лид! Чинovníки, как лоси непуганые, прямо с ладони берут, только дай. И все бы на обоюдную пользу. Вы нам — деньги, мы вам — прописку в нашей комнате организуем.

Твоя жена Пенелопа

— Лида! А ну подь сюда! — гаркнул из комнаты папа так яростно, что мама с тетей Лялей вздрогнули, одинаково приложив ладони к груди. — И Нинка пусть домой идет, нечего ей там всякие глупости слушать!

Мама подскочила со стула, махнула Нине рукой суетливо — пошли, пошли... А тете Ляле шепнула одними губами:

— Потом, после поговорим.

И действительно поговорила. Только это уже без Нины было. Судя по весьма озабоченному маминому лицу, предложение соседней было воспринято ею как руководство к действию. Потому что приехали вскоре деревенские мамини родственники, ввалились всем табором, в квартире стало шумно, запахло солеными груздями, квашеной капустой и самогонкой. Весь вечер «видались», как называла мама стихийное застолье, потом улеглись кто куда. Нину положили на кухне, соорудив из стульев что-то вроде неудобного топчана. Приказали сразу заснуть и не шевелиться лишней раз, чтобы стулья не расползались в разные стороны. Но разве можно серьезно уснуть при такой задаче? Так, подремать слегка... И сквозь дрему она услышала мамини слова, произнесенные быстрым горячим шепотком:

— ...Зина, да мы отдадим... И вам, Клабочка, отдадим...

Тетя Зина с тетей Клавой — мамини младшие сестры. Тетя Зина вдова, тетя Клава при

ВЕРА КОЛОЧКОВА

муже, чей богатырский храп доносился из комнаты.

— Вы уж, девки, не обессудьте, что обратилась в трудную минуту. Просто случай упустить жалко. Сами ж видите, как живем, ютимся втроем в одной комнатке.

— Случай, случай, — хмыкнула тетя Клава. — Случай-то для твоих соседей хорош, а для тебя... Чего они, без денег никак прописать не могли? Чисто по человеческой душевности? Все равно ж уезжают!

— Да ты что, Клав... — безнадежно махнула рукой мама. — Какая такая душевность, они ж образованные! А у образованных, сама знаешь, какая душевность... Это у простого человека душевность из всех щелей прет, а у этих... У этих все с хитрецей...

— Это да. Это ты правду говоришь, — грустным шепотом констатировала тетя Клава. — Чем проще человек, тем шире у него для доброго дела душа открыта. Это да...

Нина, лежа на своем топчане, лишь тихо удивилась этому странному жизненному наблюдению. И совсем оно не вязалось с обликом тети Ляли и дяди Пети...

— Лид, а чего ж не подкопили-то? — ворчливо вступила в диалог тетя Зина.

— Да где там... — тихо вздохнула мама. — Вон, на заводе уж третий месяц зарплату не выдают...

Твоя жена Пенелопа

— А с чего тогда долг отдавать будешь? — резонно заметила тетя Клава. — У нас ведь тоже, знаешь, не лишние, не в огороде растут...

— Да ладно тебе, Клав! — повысив шепоток до сердитого сипения, осадила сестру тетя Зина. — Кто спорит, лишние они или не лишние? Мы-то с тобой и впрямь огородом можем прокормиться и пасекой, и Лешка твой с охоты всегда мяса добудет... А Лидке тут чего? Кусок асфальта с улицы принести да из него суп варить?

— Клав, я правда отдам... — залепетала мать жалко, со слезой. — Я от Володи потихоньку откладывает буду. Еще полставки уборщицы возьму, хоть и копейки платят, а все вперед.

— Ладно, не реви, — виновато пробурчала тетя Клава. — Я дам, конечно... Есть у меня своя заначка, в зелененьких бумажках храню, добрые люди надоумили. Только Лешке моему не проговорись, поняла?

— Что ты, Клавдейка, что ты!..

— И я дам... Сколь есть у меня, столь и дам, — решительно подвела под разговором черту тетя Зина. — Чай, не в чужие руки даем, Клавдейка, правда? А уж отдаст, не отдаст... Это уж как звезда упадет, нынче особо свою жизнь не запланируешь. Кругом черт-те что творится... Хорошо, мы на подножном корму перебиться можем, а в городе? Ладно, Лидка, не реви, на вот тебе, считай. Сейчас Клавкин Леха покрепше

ВЕРА КОЛОЧКОВА

уснет, она тоже свою заначку достанет. В подкладке пальто зашита, слышь... Да не реви, говорю! Сказали ведь, поможем! Мы люди простые, нам душевности не занимать.

Родственники на другой день уехали. Через неделю уехали и соседи, навсегда попрощавшись. Отца в день их отъезда не было, и мама позволила себе всплакнуть, обнявшись с тетей Лялей. А дядя Петя смешно потрепал маму по щеке, и она вдруг потянулась за его ладонью, как кошка, которую походя приласкали... Потом стрельнула испуганным взглядом в сторону Нины, опомнилась. И лицо сделалось пугливо-красным от смущения. Было что-то в этом смущении — неприличное для соседского расставания, что ли... Это уж потом, когда повзрослела и в памяти воспроизвела свою детскую жизнь, поняла — что...

А вечером пришел с работы папа. Накормив ужином, мать подсунулась к нему как бы между прочим:

— Володь... Я вчера в исполком ходила, на счет ордера спросить на соседскую комнату...

— И что? — напрягся взглядом отец.

— Да все нормально, Володь... Дают нам ордер-то. Сказали, надо кое-какие бумаги оформить.

— Ну? А что я говорил? — снисходительно пожал плечами отец. — Так и должно быть, положено мне. У них же там сохранился небось

Твоя жена Пенелопа

список передовиков с турбомоторного! А как иначе-то? Так и должно быть!

— Ну да, Володь, ну да, — часто закивала мама, убирая посуду со стола. — Именно список и сохранился, как же иначе...

Нина сидела за столом, уткнувшись взглядом в стакан с компотом, где на дне плавали вялая черносливина, расплывшаяся медузой курага и пара изюминок. Отчего-то жалко было маму — до слез. Еще и вспомнилось, как она с дядей Петей прощалась. Как кошка...

— ...«Профессорская»! Следующая остановка — «Комсомольская»! — будто издалека слышался голос водителя из динамиков.

Нина открыла глаза, вздрогнула, соображая, — как это, «Профессорская»? Уже? Так утонула в прошлом, что чуть свою остановку не проехала? Сорвалась с места, бросилась к еще открытым дверям... Успела!

На улице шел снег. Вот вам и продолжение весны с теми же тайно подлыми прелестями. За ночь, значит, милый снежок припорошит ледяные колдобины, скроет от глаз, а утром оскальзывайся на них, дорогой прохожий... Шутка такая весенняя, кергуду. Падай, прохожий, не стесняйся, разбивай голову.

Нина поежилась, натянула на голову капюшон, шагнула в темную арку, что вела во двор дома. Подумалось в который уже раз — плохую квартиру они с Никитой сняли. Район спаль-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ный, дома старые, кирпичные, еще и эта арка во двор... Всегда темная. Страшно же. Надо Никите позвонить, чтоб в окно глянул. Окна их квартиры аккурат на эту арку выходят.

Не отвечает... Гудки длинные. Не слышит, что ли? О, да его дома нет. Окна темные.

Нина нажала на кнопку отбоя, зачем-то кликнула еще раз. Это от досады, наверное. Если уж сразу не ответил...

Открыла дверь подъезда, шагнула в темноту. Ничего, это привычно, здесь отродясь лампочка не горела. Там, где почтовые ящики, уже посветлее, туда окно с лестничной площадки выходит. И подниматься по лестнице недолго — всего на второй этаж...

Вошла в квартиру, включила свет в прихожей, на всякий случай крикнув призывно-весело:

— Никита! Ты дома?

Ага, сейчас... Дома он, как же. Размечталась.

Раздраженно дернула собачку «молнии» на куртке, нагнулась, стянула с ног сапоги. Огляделась в поисках тапочек. Да черт с ними, с тапочками... Нет его дома! Нет! И на звонки не отвечает! Да что это, в самом деле...

Зажгла везде свет, побродила по неуютному чужому пространству. Шкаф, ковер, телевизор, тахта. Все допотопное, хозяйское. На кухне унылый мебельный гарнитурчик, оранжевый пластиковый абажур. Холодильник урчит сер-

Твоя жена Пенелопа

дито. Нина выключила свет, встала у окна — так лучше лицо видно. Если из арки огоньки фар покажутся, значит, это Никита едет...

Нет. Никто не едет. Стой, жди. Глотай слезы. Дурочка.

Прикусила губу, усмехнулась горько. Еще и вспомнила данное матери обещание... Когда он жениться надумает, говоришь? Ой, мам, да какое там — жениться. Смешно. Наплевал он на нее, без всякой женитьбы наплевал. Сидит сейчас где-нибудь с однокашниками в уютном кафе, музыку слушает. Они ж такие продвинутые насчет музыки — однокашники... И однокашницы тоже. Зачем она ему, зачем? Сам эту квартиру нашел, сам сюда ее притащил. Гражданский брак называется, репетиция семейной жизни. Какая там, к черту, репетиция...

Злая правда все разрасталась внутри, подступала к горлу, не давала дышать. Нет, надо прекращать это совместное нелепое проживание. Самой рубить гордиев узел. Если парень до такой степени не уважает девушку, с которой живет... Даже позвонить не соизволил, предупредить, что поздно придет! Ничего, Нинка девушка душевная, из простых, Нинка все схавает! Хотя... Насчет «Нинки» она, конечно, погорячилась. Никогда он ее Нинкой не называл. Нина, Ниночка, Нинусь. Как же у него ласково это звучит — Нинусь...

Да, он очень ласковый. И добрый. И беззаботный, как ребенок. И нежный... И немного

ВЕРА КОЛОЧКОВА

раздолбай, конечно... Телефон в кармане звонит — он никогда не слышит. А потом брови домиком вверх — о, сколько непринятых вызовов!..

Да и не в том даже дело, какой он. Дело в ней самой. Дело в том, что она его очень любит... Так любит, что чувствует себя ужасно счастливой, несмотря ни на что. И ужасно несчастной одновременно. Замуж, замуж... Да если б знал кто, как она мечтает про этот «замуж»... Хотя, говорят, мечтать не вредно. Полезно даже.

Ну как тут разрубишь этот гордиев узел? Как?!

* * *

Они познакомились в клубе — подруга Настька пригласила отпраздновать день рождения. Компания собралась чисто девичья, сидели, накачивались шампанским, изредка выскакивая на танцпол. Возвращались к столику разгоряченные, смеялись громко, делая вид, что очень увлечены общением. Хотя видно было, как девчонки воровато оглядывают зал в надежде поймать хоть один целенаправленный мужской взгляд. Ну просто так, для самоутверждения. Не было взглядов. Не было. Может, слишком прилично для заведения выглядели... Ни косметики вызывающей, ни одежек брендовых, ни красоты модельно длинноногой. Хорошие девочки, но все равно — чулочки синенькие.

Твоя жена Пенелопа

Потом на Настьку положил-таки глаз один из танцующих, изрядно выпивший и нахальный. Но лучше бы он свой глаз при себе оставил, ей-богу... Уж очень противно было смотреть на его покушения завязать ни к чему не обязывающее знакомство. Сначала вытанцовывал перед Настькой, содрогаясь в яростно неприличных телодвижениях, потом вообще начал вплотную пристраиваться, хамовато суетясь чреслами. Настька увернулась ловко, а он вроде как обомлел от возмущения. Остановился, набылчился, выкатил пьяные глаза — как, мол, смеешь от такого крутого чувака отпрыгивать? Ну, и они тоже испугались его бычьего глаза, вернулись за свой столик. Да только не тут-то было... Перед ними нарисовалось это пьяное убожество, схватило Настьку за локоть и потянуло из-за стола. Так сильно потянуло, что она взвизгнула от боли. Девчонки замахали крылышками, конечно, зачирикали, как воробьи. А музыка гремит, не слышно ничего... И охранника, как назло, в зале нет. Лишь девчонки-барменши тянут шеи, глядят озабоченно в их сторону.

Нет, понятное дело, сами нарвались, клубак есть клубак, всякое бывает. Но если помощи ждать не приходится, надо своими силами справляться. Подскочила с места Танька, начала вежливо увещевать пьяную рожу:

— Отстаньте от нее, молодой человек. Видите, девушка не желает с вами танцевать? Ну же, отпустите ее, пожалуйста.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Танька — она такая. Сильно вежливая, в очках. Дипломатка.

— А че она вдруг не хочет? — зло ослабился нападающий. — Не хочет — захочет. Или с тобой пойдем сбачаем, очкастая. Хочешь?

Отпустил Настькин локоть, потянул лапы к Таньке.

— Нет, — судорожно махнула лапками Танька. — Не трогайте меня, слышите? Как вас сюда пустили вообще? Вроде приличный клуб.

— Ты че меня обижаешь, очкастая? Кого еще пускать, если не меня? Думаешь, сюда только очкастых пускают? А ну пошли плясать, хватит на меня лапами махать!

— Да никуда я не пойду! Перестаньте мне хамить, молодой человек! Я же с вами вежливо разговариваю!

— Да на кой мне сдалась твоя вежливость! Думаешь, сюда за вежливостью нормальные пацаны приходят? Очнись, очкастая, они за другим делом сюда. А ну, пошли. Я покажу тебе такую вежливость — заверещишь от счастья. Пошли, тебе понравится! Но сначала потанцуем!

Тут уж Анька не выдержала — она вообще вежливостью никогда не отличалась. Поднялась, встала меж мужиком и Танькой:

— Слышь, ты, чувак. Хочешь танцевать — иди в Большой, понял? Там как раз нынче танцоров недобор. А здесь твое искусство никто не оценит, отвали!